

Научная статья

УДК 82-09

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117

Кто они, героини современной прозы: «Баба-богатырка», «Баба с подушкой» или Бизнес-леди?

Наталья Вадимовна Ковтун

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия

Шеффилдский университет
Шеффилд, Великобритания

nkovtun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>

Аннотация

Цель статьи – очертить процесс поиска современной прозой *героини времени*, показать, как изменялись представления о женщине, ее роли, предназначении в русской литературе второй половины XX – XXI в. В статье представлен анализ *генекратического мифа* – мифа об исключительной силе, авторитете, которыми обладает женщина и которые позволяют ей стать в центр социальной, нравственной жизни общества; прослеживается изменение типа *бабы-воительницы, защитницы*: от текстов традиционалистов до произведений «перевернутого поколения» и авторов «нового реализма». Особое внимание уделено типологии женского в знаковом романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998), подводящем своеобразный итог литературных поисков ушедшего века. Автор, опираясь на поэтику Гоголя, Достоевского, предлагает свою типологию женского, крайние позиции которой символизируют образы «*Бабы с подушкой*» – остраненное, ироническое прочтение классического типа «девушки за пятаками», «хранительницы очага», и «*Афродиты площади*», маркированной чертами трикстера. Акцент на трикстерской природе центральных героев текста продиктован особенностями порубежного времени – хаотичного, опасного, непредсказуемого, в котором герой-трикстер оказывается самым жизнеспособным.

Ключевые слова

современная героиня, генекратический миф, трикстер, Маканин, «Андеграунд, или Герой нашего времени»

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Программа стажировок в университете Шеффилда» благотворительного фонда Михаила Прохорова на условиях индивидуального гранта (договор № МП/ШС-02/2021 от 7 июля 2021 г.)

Для цитирования

Ковтун Н. В. Кто они, героини современной прозы: «Баба-богатырка», «Баба с подушкой» или Бизнес-леди? // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 108–117. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117

© Ковтун Н. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 108–117

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 108–117

Who Are They, The Heroines of Modern Prose: “Baba bogatyrka”, “Baba with a Pillow” or Business-Lady?

Natalia V. Kovtun

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after. V. P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russian Federation

The University of Sheffield
Sheffield, United Kingdom

nkovtun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>

Abstract

Purpose. The article aims to outline the process of modern prose's search for the heroine of the time, to show how the ideas about the woman, her role and purpose have changed in Russian literature of the second half of the 20th – 21st century.

Results. The article presents an analysis of the geneocratic myth – the myth of the exceptional power and authority that women possess and that allow them to become the center of the social and moral life of society; it traces the change of the type of warrior-woman and protector: from texts of traditionalists to the works of the “inverted generation” and authors of “new realism”. Special attention is paid to the typology of the feminine in the iconic novel of V. Makanin “Underground or Hero of Our Time” (1998), which sums up a peculiar result of the literary search of the bygone century. The author, basing upon the poetics of Gogol and Dostoevsky, offers his typology of the feminine, the extreme positions of which are symbolized by the images of “Baba with a cushion” – a detached, ironic reading of the classical type of “girl embroidering”, the “hearth-keeper”, and the “Aphrodite of the square”, marked by trickster features.

Conclusion. We can distinguish the image of the patriarchal woman, in which the functions of wife and mother are defined. This type is far from being homogeneous, here we can distinguish the image of the old woman with her inherent features of sacrifice, active mercy, humility. The image of the “Baba with a pillow”, brought out in V. Makanin’s famous novel “Underground...”. The image of an intellectual, a businesswoman who ignores the laws of being, striving for the most comfortable, easy life, in the scenario of which mercy, sacrifice, and death do not fit. The image of the “Aphrodite of the Square”, a female-trickster whose underground existence is self-sufficient and self-valuable. The description of the night butterflies is given in contrast to the angelic figures. In the images of the angels, the supra-worldliness, the functions of mercy, sacrifice, and testimony are brought to the forefront. The emphasis on the trickster nature of the central characters of the text is dictated by the peculiarities of the frontier time – chaotic, dangerous, unpredictable, in which the trickster hero proves to be the most viable.

Keywords

modern heroine, geneocratic myth, trickster, Makanin, “Underground or Hero of Our Time”

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the project “University of Sheffield Internship Programme” by Mikhail Prokhorov Charitable Foundation on terms of individual grant (contract from 7 July 2021)

For citation

Kovtun N. V. Who Are They, The Heroines of Modern Prose: “Baba bogatyrka”, “Baba with a Pillow” or Business-Lady? *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 108–117. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117

Введение

Русь традиционно воспринимают в контексте женского, богородичного начала как современные отечественные, так и европейские авторы. Соответственно, *генеократический миф* – миф об исключительной силе, воле, авторитете, которыми обладает женщина и которые позволяют ей стать в центр нравственной жизни общества, – занимает особое место в национальной мифологии, культуре. Явление *генеократии* специалисты возводят к временам матриархата как «генеократической ступени в истории цивилизации» [Богин, 2002, с. 24]. В мифологии восточных славян женское жизнеотворяющее начало олицетворено *рожаницами*. Почитание древних рожаниц – Хозяек Мира – сопровождалось обильными трапезами, пирами. Дохристианский древнерусский фольклор сохранил образы могучих поляниц – *дев-богатырок*, их сюжету отдали дань русские модернисты [Зусева-Озкан, 2021] и традициона-

листы [Ковтун, 2010]. С поляницей Златогоркой выходит на бой Илья Муромец, любимая жена Добрыни Никитича – из древних амазонок, с которой он встречается на поле брани, бьется с поляницей и на ней женится Дунай Иванович. В одном из вариантов былины «Про Илью Муромца и Тугарина» поляница Савишна – жена Ильи Муромца, переодевшись в его богатырское платье, спасает Киев от злодея Тугарина.

С развитием христианской культуры упоминания о подвигах свободных, своенравных, могучих поляниц теряются, культ древних рожаниц получает продолжение в почитании культа Богородицы [Рыбаков, 1994, с. 470]. Г. П. Федотов писал, что на Руси произошло слияние религии Богородицы с элементами народной религии матери-земли. Это повлекло за собой представление о том, что тело земли, даже в эпоху поругания страны, остается матерински чистым и образует в космосе «особое, глубинное средоточие». С ним-то и «связана самая сердцевина народной религиозности», ее «самый мощный слой», который составляет и «церковность» [Федотов, 1991, с. 70, 71, 122].

Образ доброй жены и матери, хранительницы очага, сохранил Домострой. Там, где текст утрачивает зависимость от патристичности, избегающей эротичности книг Ветхого завета, Домострой «расширяет функции “жены”, и социальные и гражданские, как хозяйки дома, равноправной с господарем личности, подотчетной только ему» [Колесов, 1991, с. 9]. Раннее христианство трактует любовь между мужчиной и женщиной как универсальный творческий принцип вселенной, на котором основывается ее духовное и витальное бытие [Бычков, 1990, с. 108–109]. Понимая двойственность чувственной любви, разрушающий и созидающий ее импульсы, проповедники христианской морали выдвинули на первый план любовь духовную, оправдание эротичности нашли в таинстве брака, рождении дитя. За судьбу дома и ребенка женщина несет ответственность перед родом и Богом, в критической ситуации именно на ее плечи ложится груз ответственности.

Непримиримость, требовательность «женской» позиции по отношению к официальной власти, осознаваемой греховной, являет себя в подвиге боярыни Морозовой, затем настает черед царевны Софьи, против окружения, сподвижников которой Петр воевал не менее яростно, чем против иноземных врагов. Спустя несколько лет и сама государственная власть в Российской империи переходит к женщинам, у гостей Екатерины Великой складывается абсолютная уверенность, что среди ее армейских генералов, министров вполне могут быть девицы и женщины [Масон, 1996, с. 142].

Сохранение представлений о доминирующей роли женщины в мироустройстве, ее функции защитницы, избавительницы связывают с поздним традиционализмом. В этом ряду образы красавицы Евдокии из вставных новелл «Из жития Евдокии-великомученицы» в романе «Дом» (1979) Ф. Абрамова; героинь повестей «Вдова Нюра (Из хроники поморской деревни)» (1973) и «Крылатая Серафима» (1981) В. Личутина; бабушки Секлетиньи из романа «Прокляты и убиты» (1990–1994) В. Астафьева, Пашуты из рассказа «В ту же землю...» (1995), Агафьи из рассказа «Изба» (1999), Тамары Ивановна из итоговой повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) В. Распутина. В ситуации, когда женщина берет на себя мужские функции воительницы, эротические влечения уравниваются с отступлением от миссии, героини представлены либо в ореоле *ангельской чистоты и святости*: юридички Ф. Абрамова и В. Личутина, ангельские образы в произведениях В. Распутина [Ковтун, 2020]; либо *служения-материнства*: бабы-воительницы, «мудрые старухи».

В прозе XXI столетия образ *воительниц* в известной степени разрабатывает М. Тарковский. В его программном геополитическом романе «Тойота-Креста» (2018) появляется *женщина-амазонка* – перегон, неуловимая, свободная, история которой вынесена за границы обыденного, окружена тайной. Фигура героини мистифицируется и мифологизируется, ее практически никто не видел, что только подогревает мужской интерес, становится почвой для фантастических историй. Это единственная женщина в романе, которая признается равной мужчинам, а порой и превосходит их в независимости позиции. На фоне загадочной красавицы меркнут образы хранительницы веры, «проповедницы» Насти и бизнес-леди Марии –

профессиональной манекенщицы. В рассказах писателя сохраняется интерес и к образу «мудрой старухи», однако ее опыт новому поколению не интересен.

Образ *бабушки* как хранительницы родовых ценностей, исторической преемственности появляется в знаковом романе А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени...» (2000). В текстах XXI в. этот образ уже лишен прежней гармонии, мудрости, «символического капитала», который столь важен для поколения внуков: рассказы Р. Солнцева «Бабушка с разноцветными глазами» (2006), А. Снегирева «Бабушка» (2006), Д. Новикова «Запах оружия» (2007), Ж. Снежиной «Бабушки» (2007), М. Вишневецкой «Бабкин оклад» (2011). Исследователи считают, что противоречивость, надломленность героинь – «знак трансформаций культурной парадигмы, попытка вырваться из уютной и обжитой тюрьмы утопий и стереотипов, вернуть бестелесной жертве идеализации плоть и голос, не бояться увидеть на месте предполагаемой гармонии – хаос» [Савкина, 2011, с. 135]. В высшей степени противоречив образ старухи в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015), окруженный тайной, маркированный inferнальными чертами, однако страшный опыт именно этой представительницы древнего рода помогает героине спасти от смерти единственного сына, напоив его собственной кровью.

В произведениях художников «перевернутого поколения» (И. Клех), «поколения отставших» высказываются альтернативные мифемам традиционалистов идеи преодоления трагизма настоящего через освоение мировой культуры, общечеловеческих ценностей, здесь выражен экзистенциальный протест против раздробления, исчезновения реальности: «Андеграун, или Герой нашего времени» (1998) В. Маканина, «Оглашенные» (1969–1995) А. Битова, «Светопреставление» (2003) И. Клеха, тексты Ю. Буйды. В знаковом романе В. Маканина «Андеграунд...», подводящем итог XX в., женские персонажи принципиально важны, оттеняют образ главного героя – Петровича, за которым маячат фигуры «голового человека», «маленького человека», «лишнего человека» и подпольного сидельца, на которых и держится свод русской классики.

Результаты исследования

Создавая собственную типологию женского, В. Маканин опирается на мифы Античности, поэтику Н. Гоголя, Ф. Достоевского. Амплитуда женской парадигмы: от образа сияющей Красоты, Вечной Женственности – Софии до фигуры Сонечки Мармеладовой и ночных бабочек на грязных улицах Москвы. В этом столкновении идеи Красоты и предельного духовного уродства В. Маканин следует за Гоголем. Последний, по наблюдениям В. Розанова, создает проблемную пару: роскошную Аннунциату и Акакия Акакиевича как два полюса, предела бытия [Розанов, 1996, с. 148]. Главный герой романа объясняет эту же закономерность притчей: «Вошел однажды в эти коридоры старший брат, поспешил там за женщиной, потом за другой, за пятой и в конце концов пропал. То ли упал, то ли с самого верхнего этажа его выбросили из окна местные ревнивые мужики. (Высоко зашел.) Погиб – когда младший, мужая, только-только вошел на первый этаж» [Маканин, 1998, с. 91]¹.

Движение Красавицы у Гоголя разворачивается по нисходящей: из небесной выси на мостовую Невского проспекта, превращающуюся в притон. Улицы столицы, заполненные спешащими людьми, маленькими чиновниками, – мужское царство, платоновский сюжет которого – *погоня за женщиной* как воплощенной Красотой – небесной Афродитой, она манит, ускользает, меняет очертанья: «Увы, нам нужна перспектива; приманка, награда, цель, свет в конце туннеля, и по возможности поскорей. В этом, и не в чем ином, наша жизнь. В этом наша невесточная суть: нам подавай будущее!...», – сокрушается герой В. Маканина (с. 69). По сути поиск Женщины становится единственной целью в «динамике городской вечерне-ночной жизни» уже в лирике символистов, А. Блока, хотя эстетически расходятся [Минц,

¹ В дальнейшем ссылки на этот роман приводятся в тексте. В скобках указывается страница.

1972, с. 145]. Петрович, напротив, вплоть до финала романа отказывается от «вечной идеи» шинели, остается с Афродитой площади, жалеет слабых, одиноких, униженных женщин, оказавшихся на панели, в грязи. Отсюда его особый интерес к полотну К. Малевича как символу XX в.: «*Черный квадрат* Малевича – гениален; это стоп, это как раз для нас и наших торопливых душ; это удар и грандиозное торможение» (с. 69). В близком контексте трактует полотно еще один трикстер современной литературы – Бенедикт из романа Т. Толстой «Кысь», картина внушает ему мистический ужас, напоминает бездну, улово [Ковтун, 2009].

Идее Петровича близок художник Василек Пятов: «В выборе девиц Василек пародийным образом похож на меня: подыскивает обиженных или просто бедных женщин, выхватывая их из толпы наметанным глазом рисовальщика. Василек их рисует. Они жалки, убоги, тощи» (с. 174). Натурщицы со спитыми лицами, бледны, в дреме, как мертвые. Мертвая красота в плену у страшного мира одновременно и орудие мира, и его испытание, что отразилось в канонических текстах русской классики: панночка Гоголя, inferнальницы Достоевского, красавицы Чехова, Незнакомка Блока [Бочаров, 2007, с. 163].

Не случайно имя художника – Василек – отсылает к образу Василида – одного из учителей гностицизма, повлиявшего на идеологию масонства, эстетику модернизма [Слободнюк, 1998], которая обыгрывается в романе. Искусство Василька не возвышает падших, но отражает «силу колеи», тупик: «Лица с полотен источали суровость, их безглазье отдавало страшным нераспаханным черноземом. Беды. Бездорожье. Безденежье. Вурдалаки с кротким и чистым взглядом. В таких портретах я не любил свою давнюю провинциальную укорененность, вой души, который так и не спрятался в истончившуюся боль» (с. 178). Под сомнение ставится классический императив для художника – постижение замысла Божия о Красоте, чье присутствие среди людей трагично.

Одна из бывших подруг Петровича обнаруживает в шкафу «серенькое пугало» – его старый пиджак / шинель, в кармане которого томик «Бесов», последнюю страницу заполняют номера телефонов. Выпорхнувшие на звонки «адские духи», ведьмы, «черное воронье» едва не доводят героя до смерти. Спасает случайная встреча с друзьями, воплощенная через гоголевский *мотив полета* как свободы: «Оба гогочут – а я, висящий на их руках, слабый, раскрыв рот, продолжаю ощущать полет. Ощущать, что счастлив» (с. 404). Женщины, окружающие Петровича, уравниваются в своем статусе *жертв*. Красавица Вера Курнеева, уходящая по коридорам общежития от преследований мужа, – ироническая отсылка к образу Эвридики, плутающей во владениях Аида, к которой взывает современный Орфей, и одновременно к героине троянского мифа – «убежавшая от мужа Елена». Образ последней значителен в гностической мифологии как одно из воплощений Софии Премудрости. В пределах русского литературного канона история Веры пародийно соотносена с любовной линией Печорина и княгини Веры, адюльтером Анны Карениной. В молодости героиня В. Маканина пережила бурный роман с военным, даже согласилась на побег с ним, в итоге всё закончилось конфузом, потерей сына.

Отношения Петровича с падшей юной Вероничкой, поэтессой андеграунда, алкоголичкой, изначально гротескны. История сексуальных похождения, перевоплощений девушки подсвечена сюжетами «Золотого осла» Апулея: «*Сколько же тебе лет, Апулей, ау, Вероника, сколько же прошел твой осел!*» (с. 134), и повести «Яма» А. Куприна: «Для Веронички дно, сколь не выкручивайся в поэтическом слове, было теперь ямой – яма, а вовсе не ее прежний экзистенциальный образ дна и сна». Во времена новых демократических идеалов девушка почти случайно делает успешную политическую карьеру, но попытки отстоять в среде истеблишмента мир «униженных и оскорбленных» заканчиваются крахом. Порыв героини найти для бездомного Петровича квартиру, одарить «шинелью» оборачивается серией конфузов, в итоге герой так и остается «голым человеком».

Если образ Веронички, поднявшейся со дна жизни, – иронический символ *демократической России*, то фигура могучей, хваткой, хлебосольной Зинаиды Агаповны, всегда открытой

новым отношениям, – воплощение *социума общежития* – «бабушка в окошке». Символичны ее профессия – «работала в швейной мастерской», любовь к пафосным речам. Классическая парадигма женских образов – *тургеневская девушка*, «*девушка за пяльцами*», «*девушка с веслом*» – травестируется за счет появления знаковой фигуры «*бабы с подушкой*». «Ах, эта женщина. Ах, Зинаида. (Величия или покорности, чего тут больше?) Ладно, говорю, отставить!.. Стоит, прижала подушку к груди. Старая, принарядившаяся баба. Застыла в глуповатом остолбенении. Статуя в парке, не женщина с веслом, а баба с подушкой. На века» (с. 125). Изображение могучих юных красавиц, напоминающих античных богинь, украшали советские парки культуры и отдыха, символизируя эмансипацию, равноправие женщин и мужчин в СССР [Золотонос, 1999]. Героиня В. Маканина, напротив, сосредоточена на поисках своего мужчины: «...бабистая, жить было кисло», – признается Петрович.

В череде женских персонажей особенно колоритна фигура Леси Дмитриевны Воиновой – образковой *представительницы номенклатуры*. Во времена империи она «сидела за судным столом» и выносила приговоры. В перестройку героиня лишается былых привилегий, оказывается на дне жизни. Ее истории посвящены две главы «Я встретил Вас» и «Гриптих: расставание». Фигура «постаревшей гордячки», бывлой красавицы выписана подчеркнута натуралистично. Поле значений образа включает мифологию *матери-земли* («Леся лежала (вот ведь образ) протянувшимся горным хребтом»), *девы-воительницы* (говорящая фамилия – Воинова), воплощение *романтической женственности* (название главы отсылает к знаменитым строчкам Ф. Тютчева), советскую символику («Напоминала мне саму империю»), в том числе образ «*Девушки с веслом*»: «Я ловил себя на том, что хочется обойти ее кругом (музейный синдром, совершенно неуместный; как статую)» (с. 368).

Описание отношений героев – ироническая реплика в сторону Н. Гоголя и Ф. Достоевского. В момент близости Петрович чувствует на себе пристальный взгляд партийца – умершего мужа Леси, портреты которого заполняют квартиру: «Глаза доставали где угодно» (с. 213). Автор подчеркивает ассоциативную связь с «Портретом» Гоголя, где дьявольский взгляд ростовщика «из самого портрета» разрушает окрестную гармонию, наблюдает за героями, будто продолжая следить и за читателем. По сути, речь идет о модели анти-иконы, ибо портрет выступает каналом связи с нечистой силой. Образ Леси Дмитриевны коррелирует и с судьбой несчастного Башмачкина. На одном из уличных перекрестков женщину едва не лишают шубы / шинели: «Подошли к ней после в метро и спросили, не продаст ли она им шубу, которая на ней. Она испугалась, а они всё шли и шли за ней до самого дома» (с. 217). Пережив инсульт, героиня, однако, быстро восстанавливается, сюжет напоминает восстание панночки из гроба. Подчеркнутая бледность, статуарность образа («Мрамор в постели») усиливает мотив мертвой Красоты.

Леся Дмитриевна, переживая свое отлучение от власти, предается самобичеванию: «Громадная кающаяся женщина». «Я догадался, что женщине хотелось вроде как вывалиться в землю и в дерьме: облепиться грязью, как покаянием. (Чувство, почти не поддающееся на просвет. Из потаенных)», – отмечает Петрович (с. 215). Мотив сознательного самоунижения характерен для женских персонажей Ф. Достоевского в целом, становится аналогом бунта против людского лицемерия, жестокости, фальши. У героини В. Маканина, напротив, жест лишен трагизма, есть фарсовая попытка наладить отношения с провидением: «Был у нее, помимо покаяния, также и крохотный, еле ощутимый расчетец. Она покается, она унижится – и тогда, ей в ответ, кто-то или что-то (высшее в нашей жизни, Судьба, Бог) поймет ее и простит» (с. 215). Одним из вариантов самоунижения и становится для Леси Дмитриевны связь с Петровичем – «опустившимся сторожем из андеграунда». Она сравнивает избранника с «пьющим грязным старикашкой» (проекция Федора Павловича Карамазова), испытывающим слабость к уборщицам, когда они, «расставив ноги и согнувшись, начинали надраивать поздним вечером в коридорах НИИ натоптанные полы» (с. 221).

Идея сладострастного старика, дряхлого сатира получает продолжение в романе «Испуг» (2006), герой которого – *Петр Петрович* (!) Алабин – в стремлении уйти от старости разво-

рачивает охоту за юными красавицами – «нимфами» [Амусин, 2010] и выигрывает схватку с Роком. В «Андеграунде...», напротив, акцентируется интерес героя к падшим; как только избранницы поднимаются со дна жизни, он теряет к ним всякий интерес: «Здесь сказывается литературная природа образа Петровича – “утешителя” из галереи известных персонажей Достоевского», – считает критика [Хачатурян, 2003, с. 9]. Женские судьбы в романе рифмуются друг с другом по принципу зеркального отражения. После перестройки Вероничка занимает место Леси Дмитриевны за тем самым «Столom, покрытым сукном и с графином посередине». С Зинаидой Агаповной последнюю роднит общая идея «бабы с подушкой». История увлечений Петровича, изобилуя низкими деталями, подсвечена и символикой эллинических легенд. Сами мифы, насыщенные бытовыми подробностями, психологическими нюансами, отчасти профанируются. Эротический дискурс разворачивается на границе между грубой плотской чувственностью, состраданием и высоким ритуалом.

В финале романа герой возвращается в общежитие, из которого был изгнан, оказывается в квартире Курнеевых, описание которой и знаменует начало романа. Теперь же Курнеевы выдают дочь замуж. Сюжет свадьбы, связанный с семантикой обновления, инициации, закольцовывает историю Петровича. За время скитаний героя Курнеевы расширили жилплощадь, присоединив и соседнюю комнату. Огромный *лом*, которым разрушена стена общежития / пещеры, – *стило*, на что указывает и возвращенный герою дар Слова: «Я вдруг услышал Слово, и это Слово было *я сам*. Мне лишь показалось, почудилось. После десятилетнего молчания (мне показалось) я услышал знакомый гул» (с. 439). Выход из коридора к Свету – это и преодоление соблазна «жить по писанному», завоеванное право на самоопределение, «*другое*» Слово. В поэтике Гоголя Женщина как ориентир, ударная сила равняется Слову [Бочаров, 2007, с. 390] .

Петрович, как и его литературный прототип – Акакий Акакиевич, находится не столько в темном коридоре, на ночной улице, сколько *посредине строки*, но уже строки самого В. Маканина. «Андеграунд...», как заметил А. Немзер, роман об «одолении немоты», хотя бы самым фактом этого романа, который всё же был написан [Немзер, 2000, с. 219]. В позднем тексте автора «Испуг» за персонажем – «живучем стариканом» – проступает фигура сатира, «лунного Пьеро» и античного героя, бросающего вызов собственной смерти. Текст завершает пляска «*голового человека*» – старика Алабина – на крыше Белого дома в сполохах прожекторов, символизирующая победу Эроса над Танатасом, торжество иронико-мифологической позиции любвеобильного трикстера над холодом, жестокостью реальной истории.

Интерес к Женщине-Воительнице демонстрирует не только «новый реализм» (М. Тарковский), но отчасти и «новая лагерная проза». В романе «Зулейха открывает глаза» образ героини дан в парадигме от задавленной бытом «женщины с подушкой» до *воительницы*, буквально «женщины с ружьем». Очень любопытны образы современных интеллектуалок, творческих натур, которые создали Л. Улицкая («странная Таня» в повести «Сонечка», Ирина Пирсон в повести «Веселые похороны», отчасти Медея из романа «Медея и ее дети»), М. Степнова («Женщины Лазаря»). Стоит упомянуть и «*текст Лилит*», развернуто воплощенный с оглядкой на поэтику В. Набокова, в ранней прозе Л. Улицкой.

Даже беглый анализ женских образов в текстах современных авторов позволяет наметить условную типологию:

Образ *женщины-воительницы* – стержневой в позднем творчестве традиционалистов, во многом антиномичен по отношению к героиням ритуального сознания и бизнес-леди. Воительницы выполняют мужские функции по охране жизни, исполнению завета, утверждению закона, наделены соответствующими чертами: силой воли, мужеством одиночества, духовным самостоянием, способностью раздвигать пределы реальности в неназываемое, вживаться в инобытие.

Образ *патриархальной женщины*, в котором функции жены и матери – определяющие. Этот тип далеко не однороден, здесь можно выделить *образ старухи* с присущими ему чер-

тами жертвенности, чадолюбия, активного милосердия, смирения, следования обряду (сохраняющему глубинные смыслы), интуитивного знания о связи человеческого бытия с метафизическим. Особым образом стоит отметить фигуру *бабушки* в текстах авторов XXI в., уже лишенную внутренней гармонии, цельности натуры, сокровенного знания о прошлом, тайны, – того «символического капитала», который так важен для поколения внуков.

Образ «*Бабы с подушкой*», выведенный в знаменитом романе В. Маканина «Андеграунд...», суть остранение, ироническая трансформация классического типа «девушки за пальцами», «хранительницы очага», к которому апеллирует русская классика.

Образ интеллектуалки, *бизнес-леди*, пренебрегающей бытийными законами, памятью, стремящейся к максимально комфортной, облегченной жизни, в сценарий которой не вписываются милосердие, жертвенность, смерть.

Образ «*Афродиты площади*», чье подпольное бытие самодостаточно и самоценно. Описание ночных бабочек дано по контрасту с *ангельскими фигурами*, особенно значимыми в текстах позднего В. Распутина. В образах ангелов на первый план выдвигается надмирное начало, функции милосердия, жертвенности и свидетельства. С ними связаны образы *юродиц*, которые, однако, утрачивают былую силу, но свидетельствуют наличие метафизической тайны в здесь-бытии.

Итак, современная русская литература сохраняет интерес к женским образам, но классические типажи получают здесь ироническое, остраненное прочтение. Страстный поиск своего героя, который мог бы ответить на вызовы времени, заставляет обращаться то к *новым амазонкам*, то к *ангельским созданиям*, по которым тоскуют в городских сумерках. Пороговая ситуация рубежа веков оказывается, однако, наиболее приемлемой для тех, кто вне традиции и ритуала, вне обязательств и общины, кто не боится рисковать, потерять всё, остаться «голым», раздвинуть настоящее в инобытие. Отсюда интерес к игрокам, трикстерам, чей успех, однако, ситуативен, зависит от культурного героя, которому трикстер и прокладывает путь...

Список литературы

- Амусин М. Панацея от испуга // Вопросы литературы. 2010. № 1. С. 104–124.
- Богин И. Вечная женственность. М.: Алетейя, 2002. 488 с.
- Бочаров С. Филологические сюжеты. М.: Языки русской культуры, 2007. 656 с.
- Бычков В. В. Идеал любви христианско-византийского мира // Философия любви: В 2 ч. М.: Мысль, 1990. Ч. 1. С. 68–109.
- Золотоносов М. Глуттократос. Исследование немого дискурса. Аннотированный каталог садово-паркового искусства сталинского времени. СПб., 1999. С. 20–29.
- Зусева-Озкан В. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М.: Индрик, 2021. 711 с.
- Ковтун Н. Русь «постквадратной» эпохи (К вопросу о поэтике романа «Кысь» Т. Толстой) // Respectus Philologicus, 2009. № 15 (20). Р. 85–98.
- Ковтун Н. Старуха, ангел, богатырка: генекратический миф современной традиционной прозы // Литературная учеба. 2010. № 4. С. 80–93.
- Ковтун Н. «Ангельские создания» в прозе В. Распутина: специфика репрезентации, функционал // Филологический класс. 2020. № 2 (25). С. 19–32.
- Колесов В. Экономика нравственности и нравственность экономики // Домострой. М.: Худож. лит., 1991. С. 6–22.
- Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени. М.: Вагриус, 1998. 493 с.
- Масон Ш. Секретные записки о России, и в частности о конце царствования Екатерины II и правлении Павла. М.: НЛЮ, 1996. 245 с.
- Миц З. Блок и Гоголь // Блоковский сборник. II: Тр. Второй науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока / Отв. ред. З. Г. Миц. Тарту, 1972. С. 122–205.

- Немзер А.** Замечательное десятилетие. О русской прозе 90-х годов // *Новый мир*. 2000. № 1. С. 199–219.
- Розанов В.** Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях // Розанов В. Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. 701 с.
- Рыбаков Б. А.** Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 638 с.
- Савкина И.** «У нас уже никогда не будет этих бабушек?» // *Вопросы литературы*. 2011. № 2. С. 109–135.
- Слободнюк С. Л.** «Дьяволы» серебряного века (Древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.). СПб.: Алетейя, 1998. 425 с.
- Федотов Г.** Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Гнозис, 1991. 192 с.
- Хачатурян Л.** Гендер в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» // *Toronto Slavic Quarterly: Uni. of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies*. 2003. Vol. 14. P. 2–10.

References

- Amusin M.** Panacea ot ispuga [The panacea for fright]. *Voprosy literatury*, 2010, no. 1, pp. 104–124. (in Russ.)
- Bocharov S.** Filologicheskie syuzhety [Philological subjects]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2007, 656 p. (in Russ.)
- Bogin I.** Vechnaya zhenstvennost' [Eternal Femininity]. Moscow, Aleteyja Publ., 2002, 488 p. (in Russ.)
- Bychkov V. V.** Ideal lyubvi khristiansko-vizantijskogo mira [The Christian-Byzantine ideal of love]. In: *Filosofiya lyubvi*. In 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, pp. 68–109. (in Russ.)
- Fedotov G.** Stikhi dukhovnye. Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham [Spiritual Poems. Russian Folk Faith by Spiritual Poems]. Moscow, Gnozis Publ., 1991, 192 p. (in Russ.)
- Hachaturyan L.** Gender v romane V. Makanina “Andegraund, ili Geroj nashego vremeni” [Gender in V. Makanin's novel “Underground, or a Hero of our time”]. *Toronto Slavic Quarterly: Uni. of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies*, 2003, vol. 14, pp. 2–10. (in Russ.)
- Kolesov V.** Ekonomika npravstvennosti i npravstvennost' ekonomiki [Moral Economy and Morality of Economics]. In: *Domostroj*. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1991, pp. 6–22. (in Russ.)
- Kovtun N.** “Angel'skie sozdaniya” v proze V. Rasputina: specifika reprezentatsii, funktsional [“Angelic creatures” in V. Rasputin's prose: specificity of representation, functional]. *Filologicheskij klass*, 2020, no. 2 (25), pp. 19–32. (in Russ.)
- Kovtun N.** Rus' “postkvadratnoj” epokhi (K voprosu o poetike romana “Kys” T. Tolstoj) [Rus' “postkvadratnogo” epoch (To a question on poetics of the novel “Kys” by T. Tolstaya)]. *Respectus Philologicus*, 2009, no. 15 (20), pp. 85–98. (in Russ.)
- Kovtun N.** Starukha, angel, bogatyрка: genekraticeskij mif sovremennoj traditsionnoj prozy [The Old Woman, the Angel, the Hero: the genecratic myth of modern traditional prose]. *Literaturnaya ucheba*, 2010, no. 4, pp. 80–93. (in Russ.)
- Makanin V.** Andegraund, ili Geroj nashego vremeni [The Underground, or a Hero of Our Time]. Moscow, Vagrius Publ., 1998, 493 p. (in Russ.)
- Mason Sh.** Sekretnye zapiski o Rossii, i v chastnosti o kontse tsarstvovaniya Ekateriny II i pravlenii Pavla [Secret Notes on Russia and, in particular, on the end of the reign of Catherine II and the reign of Paul]. Moscow, NLO Publ., 1996, 245 p. (in Russ.)
- Mints Z.** Blok i Gogol' [Blok and Gogol]. In: *Mints Z. G. (ed.). Blokovskij sbornik. II: Trudy Vtoroj nauch. konf., posvyashch. izucheniyu zhizni i tvorchestva A. A. Bloka*. Tartu, 1972, pp. 122–205. (in Russ.)

- Nemzer A.** Zamechatel'noe desyatiletie. O russkoj proze 90-kh godov [Remarkable decade. About Russian prose of 90s]. *Novyj mir*, 2000, no. 1, pp. 199–219. (in Russ.)
- Rozaov V.** Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo. Literaturnye ocherki. O pisatel'stve i pisatelyakh [The Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoyevsky. Literary essays. About writing and writers]. In: Rozaov V. *Sobr. soch.* Ed. by A. N. Nikoljukin. Moscow, Respublika Publ., 1996, 701 p. (in Russ.)
- Rybakov B. A.** Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Nauka, 1994, 638 p. (in Russ.)
- Savkina I.** “U nas uzhe nikogda ne budet etikh babushek?” [“We'll never have these grandmothers?”]. *Voprosy literatury*, 2011, no. 2, pp. 109–135. (in Russ.)
- Slobodnyuk S. L.** “D'yavoly” serebryanogo veka (Drevnij gnostitsizm i russkaya literatura 1890–1930 gg.) [“Devils” of the Silver Age (Ancient Gnosticism and Russian Literature in 1890–1930)]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 1998, 425 p. (in Russ.)
- Zolotonosov M.** Γλυπτοκράτος. Issledovanie nemogo diskursa [Γλυπτοκράτος. A study of silent discourse]. Annotated catalog of garden and park art of Stalin's time. St. Petersburg, 1999, pp. 20–29. (in Russ.)
- Zuseva-Ozkan V.** Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma: obraz, motivy, syuzhety [The Warrior-Maiden in the Literature of Russian Modernism: Images, Motives, Plots]. Moscow, Indrik Publ., 2021, 711 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Вадимовна Ковтун, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Natalia V. Kovtun, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 18.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.11.2021; принята к публикации 22.11.2021
The article was submitted 18.11.2021;
approved after reviewing 20.11.2021; accepted for publication 22.11.2021*